

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

О.И. ЗАЗНАЕВ*

МОДИФИКАЦИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В УСЛОВИЯХ НОВЕЙШИХ ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА

Аннотация. Классическая модель парламентаризма, основными компонентами которой являются верховенство парламента, народное представительство, роль парламента как публичной трибуны для политической дискуссии и подконтрольность исполнительной власти парламенту, претерпевает изменения в условиях новейших вызовов XXI века. К таким вызовам автор относит требование большей транспарентности парламента, цифровизацию и профессионализацию парламентарской деятельности. В статье подробно анализируются эти вызовы и ответы парламента на них. Автор приходит к выводу от том, что сегодня парламента мира модернизируют свою структуру, деятельность и функции. Классическая модель парламентаризма модифицируется, в ней ослабляются традиционные компоненты. Во-первых, распространенность электронных форм участия граждан в деятельности легислатуры ставит под сомнение принцип верховенства парламента. Во-вторых, постепенно ослабляется механизм представительности, базирующийся на связях депутатов со своими избирателями в традиционных формах, поскольку активно используются прямые формы электронной демократии. В-третьих, происходит снижение роли парламента как публичной трибуны для политической дискуссии в силу развития Интернета и социальных сетей, а также новых электронных форм донесения воли избирателей до депутатов. В-четвертых, роль оппозиции в парламенте несколько ослабляется, так как ее функции критики и контроля над правительством осуществляются гражданами в социальных сетях и при реализации разных форм электронного участия. Наконец,

* Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия), e-mail: Oleg.Zaznaev@kpfu.ru.

меняется характер связи депутатов с избирателями, поскольку внедряется взаимодействие через цифровые платформы. Сделанные автором выводы носят предварительный характер и не претендуют на универсальность, а лишь фиксируют новейшие тенденции в изменении модели парламентаризма в современном мире.

Ключевые слова: парламентаризм; парламентская система; глобальные вызовы современности; открытость парламента; цифровизация парламента; профессионализация парламента; электронная демократия.

Для цитирования: Зазнаев О.И. Модификация классической модели парламентаризма в условиях новейших вызовов XXI века // Политическая наука. – 2024. – № 3. – С. 18–42. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.03.01>

Введение

Современное общество сталкивается с большим числом проблем глобального, регионального и локального свойства. Согласно концепции А. Тойнби, каждая общественная проблема представляет собой вызов, на который общество отвечает, а именно «решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние» [Тойнби, 2010, с. 126]. Функция вызова заключается в том, чтобы превратить внутренний творческий импульс в постоянный стимул, способствующий реализации потенциально возможных творческих вариаций [Тойнби, 2010, с. 114].

Современные парламенты, как и все общество, вынуждены реагировать на встающие перед ними проблемы разного масштаба. Внешний мир бросает легислатурам вызовы, ответы на которые превращают их, по Тойнби, в лучшие и более сложные институты, отвечающие требованиям времени. Вызовы побуждают к росту и развитию парламентов: чем сильнее вызов, тем более творческим и эффективным является на него ответ.

Сегодня парламентам приходится решать разные проблемы: экономический кризис, миграция населения, трансформация социальных отношений, бурное развитие информационных технологий, неразвитость информационной культуры, изменение структуры рынка труда с учетом IT-технологий, природные катаклизмы, наличие вредных производств, коррупция, терроризм, угроза военных конфликтов, падение доверия к органам законодательной, исполнительной и судебной власти и др. Большая часть этих вызовов не является новой. Но XXI век поставил перед парламентами

проблемы, которых прежде не было или которые не стояли так остро, как сейчас. К ним, на мой взгляд, следует отнести три вызова – требование большей прозрачности парламента, цифровизацию и профессионализацию парламентской деятельности.

Парламент изначально задумывался как открытый институт по сравнению с правительством и судом, поскольку давал возможность прямого (в виде избрания каждого гражданина депутатом) или косвенного (в виде разных форм контроля избирателей за работой парламента) участия избирателей в работе законодательного собрания. С течением времени парламент открывался больше и больше. За последнюю четверть века усилилось требование прозрачности законодательного собрания со стороны общественности. Это связано не только с развитием новых технологий, но и с возросшим социальным запросом на большую открытость как самих депутатов, так и парламента в целом. Другой вызов – глобальный тренд цифровизации, охватывающий все без исключения сферы жизни информационного общества. Парламент вынужден реагировать на этот новейший вызов. Что касается профессионализации парламента, то, как и открытость, эта тенденция возникла не сегодня, и в XXI веке она получила развитие. Дело в том, что произошло небывалое усложнение общества, выросла цена неверных политико-управленческих и технологических решений (пример пандемии Covid-19 в этом плане показателен), произошло развитие ИКТ, что потребовало решать проблему повышения уровня компетентности, профессионализма и качества управления.

Сегодня под влиянием новейших вызовов меняется не только сам парламент, но и модель парламентаризма. Цель настоящей статьи – выявить, каким образом модифицируется классическая модель парламентаризма под воздействием таких глобальных вызовов XXI века, как требование большей прозрачности парламента, цифровизация и профессионализация парламентской деятельности.

Классическая модель парламентаризма

Термин *парламентаризм* используется в двух значениях – узком и широком. В узком смысле под ним понимается такая форма правления, при которой правительство ответственно перед пар-

ламентом, и его существование напрямую зависит от одобрения со стороны легислатуры [Зазнаев, Сидоров, 2022, с. 37]. Первый пример такой конфигурации – Вестминстерская система в Великобритании. Понимание парламентаризма как формы государственного правления сегодня доминирует в западной научной литературе. Так, авторы одной из монографий утверждают, что термины *парламентаризм*, *парламентское правление* (*parliamentary government*) и *парламентская демократия* часто используются как синонимы, и до сих пор не установлено между ними явного различия [Strøm, Müller, Bergman 2003, p. 9].

Широкое понимание парламентаризма не привязано к конкретной парламентской системе; оно постулирует, что парламентаризм – это порядок управления, основанный на разделении властей, в котором парламенту отводится функция разработки и принятия законов, определения стратегии правовой политики государства, наряду с другими ветвями власти [Медушевский, 2020, с. 8.]. В этом значении слова парламентаризм предстает как универсальный принцип, не зависящий от формы правления – президентской, парламентской, полупрезидентской или иной. Трактовка содержания парламентаризма как принципа (порядка управления, идейной конструкции) существенно различается у разных авторов как в истории политических учений, так и в современной политологии. Не вдаваясь в дискуссию о содержании принципа парламентаризма, выделим наиболее важные черты классической его модели.

Одна из характеристик, приписываемая парламентаризму, – верховенство парламента, которое рассматривается в литературе как главный критерий [Современный парламент..., 2005, с. 31]. Следует заметить, что верховенство парламента существует не только в парламентской, но и в президентской системе. При президентализме ассамблея обладает *в итоге* верховенством над другими ветвями власти: президент может распорядиться своими полномочиями только тогда, когда ассамблея выделит ему деньги; если он действует неконституционно, ассамблея может отрешить его от должности; у ассамблеи есть право вносить поправки в конституцию (или инициировать их), не считаясь с мнением президента [Verney, 1959, p. 50–51].

Другой чертой парламентаризма является представительное правление, при котором «весь народ или значительная его часть

пользуется посредством периодически избираемых ими депутатов высшей контролирующей властью, которая во всяком государственном строе где-нибудь да находится» [Милль, 2006, с. 81]. Политический процесс в демократических странах можно рассматривать как процесс делегирования полномочий, в котором те, кто уполномочен принимать политические решения, назначают других принимать такие решения от их имени. Основное нормативное предположение заключается в том, что политики в условиях демократии должны делать то, чего от них хотят граждане [Strøm, Müller, Bergman, 2003, p. 19]. В демократических обществах граждане делегируют полномочия политикам в первую очередь посредством выборов.

Политические мыслители XVIII–XIX веков (Эдмунд Бёрк, Бенджамин Констан, Жермен де Сталь, Франсуа Гизо, Алексис де Токвиль и Джон Стюарт Милль) исходили из того, что парламентаризм – это пространство для парламентской политики – собрание, на котором обсуждаются политические действия и его члены советуются друг с другом (*deliberated*), и на котором чиновники исполнительной власти несут ответственность [Selinger, 2019, p. 1]. Здесь акцент сделан на двух существенных элементах парламентаризма – наличие публичной трибуны для политической дискуссии и подконтрольность исполнительной власти парламенту. Что касается первого признака, то парламент, как писал Дж.Ст. Милль, «представляет собой арену, на которой могут проявляться во всей полноте и вступать в борьбу не только общие мнения нации, но и мнения отдельных ее частей и, насколько возможно, мнение всех выдающихся деятелей» [Милль, 2006, с. 102]. При этом он полемизировал с теми, кто считал парламент «говориливней» и подчеркивал важность этого института, считая его одним из наиболее ценных благодетелей свободного правления [Милль, 2006, с. 103]. Действительно, парламент – это сцена, на которой разыгрывается драма политики, форум национальных идей и школа, где обучаются будущие политические лидеры [Verney, 1959, p. 36].

Подконтрольность исполнительной власти парламенту – это широкий признак, означающий то, что парламент в тех или иных формах контролирует деятельность правительства [Зазнаев, Гарипов, 2012]. Безусловно, эти формы контроля зависят от формы правления: в парламентской системе их больше (начиная от «часа

вопросов» правительству и заканчивая вотумом недоверия правительству), в президентской – меньше (заслушивание докладов и отчетов членов правительства, парламентские слушания и расследования). Дж.Ст. Милль писал, что истинная задача представительного собрания состоит не в управлении, к которому оно совершенно неспособно, а в наблюдении над правительством [Милль, 2006, с. 101–102].

Таким образом, классическая модель парламентаризма включает в себя несколько компонентов:

- верховенство парламента;
- народное представительство;
- парламент как публичная трибуна для политической дискуссии;
- подконтрольность исполнительной власти парламенту.

Требование большей прозрачности парламента

История парламентав последних десятилетий – это история достижения большей открытости для публики: сначала стали публиковаться отчеты и стенограммы пленарных заседаний, затем гражданам был предоставлен открытый доступ в парламент (присутствие на галерее для публики в зале заседаний; экскурсии по зданию парламента; организованные посещения парламента школьниками). Далее дебаты пленарной сессии парламента стали транслироваться сначала по радио, затем по телевидению и, наконец, в сети Интернет. Требование открытости законодательного собрания все возрастало, охватывая новые стороны деятельности парламента: кроме пленарных заседаний стали публиковаться протоколы и стенограммы заседаний парламентских комитетов, в ряде стран началась видеозапись или онлайн-трансляция заседаний постоянных комитетов парламента, был предоставлен открытый доступ ко многим парламентским документам и базам данных, на сайте парламента появилась информация о явке и пропусках депутатов на заседаниях, их выступлениях, предложениях и голосованиях, а также расходы их офисов. Стремление к открытости законодательной власти выразилось в архитектурном выборе современных парламентских зданий, в которых используются стеклянные стены, символизирующие прозрачность учреждения.

В литературе справедливо отмечается, что в последнее время граждане становятся все более требовательными, когда дело доходит до их участия в принятии политических и управленческих решений. Они требуют, чтобы их голос был услышан лицами, принимающими решения, чтобы их индивидуальные ситуации были приняты во внимание, а политические решения были прозрачными [Тасеа, 2023, р. 253]. Парламенты стремятся ответить на возросший запрос граждан по поводу открытости, предлагая доступ (чаще всего виртуальный) ко всем стадиям законодательного процесса, организуя онлайн-консультации и встречи с депутатами, создавая новые формы взаимодействия парламента и общества.

Что лежит в основе все большей открытости парламента? Новые средства коммуникаций охватывают все сферы жизнедеятельности общества – политическую, экономическую, социальную и информационную. В научной литературе неоднократно отмечалось, что пространство социума обладает «всеобщей коммуницируемостью» [Лазина, 2023]. Цифровые технологии, нейросети и искусственный интеллект меняют существенным образом качественные и количественные параметры коммуникативных процессов, поскольку их применение позволяет решать сложные социальные проблемы. Применение новых коммуникационных технологий трансформирует политические институты общества. Формируется коммуникативное информационно-цифровое пространство, в которое включается и парламент.

Верно замечено одним из авторов, что информационно-коммуникативные технологии позволили человечеству преодолеть пространственные ограничения, и человек как элемент коммуникативных процессов в условиях развития цифрового общества приобретает новые возможности и способности взаимодействия с миром и другими людьми [Лазина, 2023]. Дистанция между депутатом и избирателем сокращается, и возникает любопытный феномен эффекта приближения парламента к гражданам, который получил название *легитимность на близком расстоянии (proximity legitimacy)*¹. Избиратель получил новые средства коммуникации с парламентом, что обязывает парламент быть более открытым, т.е. происходит своеобразная коммуникативизация.

¹ Термин П. Розанваллона. Цит. по: [Christiansen et al., 2023, p. 253].

Открытость парламента – не самоцель, она дает возможность избирателям контролировать своих депутатов, что в итоге сказывается на электоральном выборе. Транспарентность парламента является предпосылкой для налаживания прямого взаимодействия граждан и депутатов в таких формах, как письменное обращение напрямую к депутату, петиции и иные формы реакции избирателей на законодательные и текущие вопросы. Аппарат парламента выступает в качестве связующего звена между легислатурой и гражданами, в то время как политические партии часто воздерживаются от прямого взаимодействия с подателями петиций.

Вынужденное повышение прозрачности парламентской деятельности [Lupo, Fasone, 2015] изменило традиционные правила и процедуры законодательной работы. Многие парламента поменяли свои регламенты, расширив возможности общественного наблюдения за работой. Вместе с тем, как правильно отмечено некоторыми авторами, осталась необходимость обеспечить баланс между эффективностью и прозрачностью [Voermans et al., 2015]. Действительно, излишняя открытость может привести к снижению эффективности работы законодательного органа в силу стремления депутатов добиться быстрого эффекта или произвести впечатление на публику.

Цифровизация

Цифровизация – глобальный процесс, в стороне от которого не могут оставаться парламента. Пандемия Covid-19 стала ускорителем цифровизации парламентской деятельности: была затронута повседневная практика (перевод заседаний в дистанционный режим), управленческие процедуры (внедрение электронного документооборота), связи с общественностью (возможность подачи электронных петиций) и политическая составляющая (цифровизация всех этапов прохождения законопроекта в парламенте). Переход к цифровой организации парламента требует адаптации как с точки зрения технологий, так и человеческих ресурсов: с одной стороны, внедряется новое оборудование, новые программные продукты и новые информационные технологии, а с другой стороны, привлекаются сотрудники с передовыми цифровыми навыками.

В научной литературе отмечается, что парламенты проявили особый интерес к технологическим и ИТ-инновациям по нескольким причинам [Fitsilis, Costa, 2023, p. 106]. Во-первых, депутаты, стремящиеся к переизбранию, ценят любые средства, позволяющие им быть более эффективными в своей работе, будь то в своем избирательном округе или внутри парламента. Во-вторых, парламент обеспокоен своей конкурентоспособностью с правительством, поскольку у последнего гораздо больше ресурсов, включая цифровые. Внутренняя конкуренция между различными партийными группами внутри палаты также является стимулом для использования любой новой технологии – в области коммуникации, офисной работы, сбора данных или проведения научных исследований. В-третьих, многие парламенты всегда активно обменивались между собой информацией о том, как повысить эффективность и результативность своей работы, особенно с помощью новых технологий. Наконец, еще одна причина внедрения ИКТ в парламентах связана с прозрачностью как отличительной особенностью их представительской функции: современные технологии могут позволить повысить прозрачность ряда сторон парламентской работы, одновременно способствуя созданию новых каналов взаимодействия с гражданами, например, через цифровые платформы [Fitsilis, Costa, 2023, p. 106].

Несмотря на весомые аргументы в пользу цифровизации парламентов, следует констатировать ее отставание по сравнению с цифровизацией правительства и административно-управленческих структур. Так, многими авторами отмечается, что GovTech (*Government Technology* – правительственные технологии) – это уже устоявшийся термин, а аналог у парламентов – *ParlTech* (*Parliamentary Technology* – парламентские технологии) – еще только формируется [Fitsilis, Costa, 2023, p. 105; Bar-Siman-Tov et al., 2021; Koryzis et al., 2021]. В отечественной литературе можно встретить и более категоричный вывод о том, что традиционно парламенты не рассматриваются в качестве лидеров в области применения информационных технологий, и они серьезно запаздывают с внедрением новых технологий и применяют их достаточно хаотично и неохотно, очень инертны в отношении любых изменений [Васильева, 2022, с. 94].

На практике темпы и масштаб цифровизации парламентов сегодня сильно различаются в мире. Самые продвинутые парла-

менты используют искусственный интеллект¹: например, ИИ применяется в архиве (*Archives Unit*) Европейского парламента, в сенате Италии при классификации законов, в Комитете будущего парламента Финляндии (здесь прошли парламентские слушания с использованием искусственного интеллекта по вопросам повестки дня ООН на период до 2030 г.), в парламенте ЮАР (чат-боты для депутатов), в палате представителей США при сравнении законопроектов, в палате Нидерландов (автоматическая отчетность), в Национальном совете Японии (цифровой анализ медиа)². Существуют национальные парламента, которые активно осваивают и реализуют технологические достижения, особенно в области цифрового взаимодействия (Австрия, Бразилия, Греция, Литва, Чили, Эстония и др.). Третьи парламента ограничиваются созданием веб-сайтов, поддержанием минимальной электронной коммуникации с гражданами (например, посредством электронной почты) и внедрением элементов электронного документооборота внутри парламента.

Цифровизация парламента позволяет обеспечить:

- открытость и прозрачность парламентской деятельности (например, путем использования приложений для стенографической записи и протоколирования заседаний в Эстонии и Японии);
- эффективность парламентской работы, например, путем применения электронного документооборота и цифровизации законодательного процесса (Босния и Герцеговина, Бразилия, Дания, Чехия и Эстония);
- связь с общественностью и участие гражданского общества в парламентской деятельности, например, путем запуска электронных петиций в Бельгии, Люксембурге, Эстонии и Европарламенте;

¹ В 2020 г. только 10% парламента использовали ИИ. Лишь 6% использовали тот или иной уровень функциональности ИИ для подготовки законопроектов, и еще меньше – для другой парламентской деятельности. См.: World e-Parliament Report 2020. Inter-Parliamentary Union. – Mode of access: <https://www.ipu.org/resources/publications/reports/2021-07/world-e-parliament-report-2020> (accessed: 12.03.2024).

² Fields of Application for Artificial Intelligence in Parliaments. Research Workshop – AI in Parliaments Zeppelin University, Friedrichshafen. – 03.07.2023. – Mode of access: <https://www.zu.de/institute/togi/assets/pdf/ai-parliament-2023/JvL-FF-230703-PRE-AI-in-Parliaments-Results-2023-EN-V4.pdf> (accessed: 12.03.2024).

– модернизацию парламентской институциональной коммуникации, открывая, например, парламенты для социальных сетей и улучшая использование подкастов и парламентских телепрограмм;

– доступность парламентских документов за счет создания платформ открытых данных (Индия, Корея и Франция) [Christiansen et al., 2023, p. 12].

Проиллюстрируем вышесказанное ярким примером применения цифровых технологий. Так, в Латвии не менее 10 тыс. граждан могут представить коллективные законодательные инициативы непосредственно в парламент. В настоящее время используется одна платформа электронного участия – *MyVoice*¹. С 2011 года гражданские инициативы, проходящие через платформу, изменили несколько законов и даже привели к одной поправке к конституции (она касалась использования открытого голосования на выборах президента страны в парламенте). К концу 2021 г. в парламент было подано 50 гражданских инициатив, 27 из них были приняты Сеймом [Christiansen et al., 2023, p. 327]. Депутаты не обязаны менять законы в ответ на законодательные инициативы граждан: так, несколько популярных гражданских инициатив, бросивших вызов действиям правящей коалиции, не привели к каким-либо изменениям. Популярность коллективных инициатив в Латвии отчасти можно объяснить относительно низким порогом в 10 тыс. подписей, что намного ниже необходимого количества подписей для законопроектов, инициируемых гражданами (что составляет одну десятую часть электората, или около 150 тыс. граждан Латвии).

С точки зрения демократии появление новых форм электронного участия граждан в политике является благом. Однако внедрение и реализация этих новаций порождает риски: нерепрезентативность участников, поляризация участников онлайн-платформ и возможность использования «троллей». Существует опасность того, что новыми формами воспользуются лоббисты и экстремисты, а также зарубежные страны и их разведки с целью вмешательства во внутренние дела государств. Поэтому, как справедливо отмечается в литературе, ИКТ должны быть средством,

¹ Платформа *Manabalss.lv* создана НПО «Фонд гражданского участия» в 2011 г. Платформа работает независимо, не финансируется и не управляется ни парламентом, ни правительством.

помогающими парламентам стать частью общества на основе справедливой, прозрачной и инклюзивной информации, способной укреплять демократический процесс и продвигать электронную демократию [Fitsilis, Costa, 2023, p. 110].

Профессионализация парламентской деятельности

До Второй мировой войны большинство парламентов предлагали депутатам лишь доступ к конференц-залам и в лучшем случае – парламентской библиотеке, а также давали возможность воспользоваться услугами небольшого штата административного персонала [Angelescu, 2010]. Постепенно с течением времени у депутатов появился бюджет для найма личных помощников, они стали получать большую поддержку со стороны служащих, прикрепленных к парламенту или партийным группам. Депутаты обзавелись личным кабинетом и бюджетом для покрытия своих расходов. Парламенты одними из первых стали использовать телеграф, телефон, радио, телевидение, Интернет и социальные сети наряду с такими новшествами, значительно облегчившими работу и коммуникации, как типографии, пишущие машинки, микрофильмы, компьютеры, копировальные аппараты, базы данных, офисное программное обеспечение и в последнее время – искусственный интеллект [Fitsilis, Costa, 2023, p. 106].

После Второй мировой войны депутаты в западных странах столкнулись с увеличением объема работы. Возросло число принимаемых законов, они стали сложными и длинными. Контроль и надзор за правительством требовал экономических и статистических знаний. Избиратели, организации гражданского общества и лобби усилили свое давление на депутатов. Требовалась более активная работа со СМИ. В связи с рисками проигрыша выборов стала актуальной проблема повышения технологичности избирательных кампаний. Кроме того, сегодня ни одна функция парламента не может осуществляться должным образом без адекватных знаний и информационных ресурсов. В *обществе знаний* представительные собрания функционируют внутри своего рода *инфосферы*, которая сама по себе достигла беспрецедентной степени сложности [Floridi, 2014]. Произошла профессионализация политической жизни [Fitsilis, Costa, 2023, p. 106], что потребовало про-

фессионализации парламентской деятельности. К тому же в условиях информационного общества более половины работающих заняты в профессиях, связанных с информацией и знаниями. Доля тех, кто в парламенте и его аппарате занимается производством, хранением, переработкой и реализацией информации, стремительно возросла в последние годы, что также требует активного привлечения профессионалов.

Профессионализация парламентской деятельности находит свое воплощение в следующем.

Во-первых, решающее значение для качественного управления парламентом сегодня имеет прежде всего административная поддержка избранных представителей, а именно каждый парламент должен иметь свой аппарат. Идея *парламентской администрации*¹ (*parliamentary administration*), отмечают авторы недавно вышедшей монографии, на первый взгляд может показаться оксюмороном: парламенты – это сфера деятельности избранных представителей народа, тогда как администрация обычно понимается как исполнительная бюрократия, выполняющая задачи управления [Christiansen et al., 2023, p. 1]. Тем не менее, как ни парадоксально, работа парламента требует административного обеспечения. Аппарат парламента состоит из преданного своему делу персонала, который организует заседания, обеспечивает материально-техническую помощь, проводит научные исследования, ведет записи заседаний, предлагает юридические консультации, управляет общественным мнением, устанавливает связи с общественностью и международные связи, в противном случае без такого штата парламента не в состоянии ни принимать законы, ни эффективно привлекать правительство к ответственности [Christiansen et al., 2023, p. 1].

Аппарат парламента возник давно, однако в последние десятилетия везде в мире наблюдается рост числа сотрудников аппарата. Недавно было проведено интересное исследование 48 парламентав мира методом многоуровневой регрессии [Otjes, 2023], в котором был поставлен вопрос о значимости влияния трех факторов (численность населения, число депутатов и объем полномочий парламента – его сила) на число работников аппарата парламента. Было установлено, что численность населения является более сильным предиктором по сравнению с количеством депутатов в парламенте,

¹ В России принято говорить об аппарате парламента, а не администрации.

при этом объем парламентских полномочий не выступает ключевым объяснением [Otjes, 2023, p. 392]. Соотношение сотрудников аппарата парламента и депутатов различается в разных странах. 1 сотрудник / 1 депутат имеет место в меньшем числе парламентах. В подавляющем большинстве легислатур это соотношение колеблется в районе 2 сотрудника / 1 депутат. В ряде стран (Германия, Греция, Венгрия, Индия, Израиль, Латвия, Мексика) оно равно пяти. Наконец, есть парламента, в которых число сотрудников аппарата на число депутатов достигает больших цифр: 7,7 – в Европарламенте, 9,1 – в Австралии, 11,6 – в Турции, 27 – в Бразилии, 37 – в США и 38 – в Аргентине [Christiansen et al., 2023, p. 6].

Во-вторых, депутаты постоянно обращаются к специалистам в отдельных областях знаний, которые способны дать заключения по узким проблемам, требующим глубоких познаний. Как правило, депутаты такими познаниями не обладают, а потому не могут сформулировать свою точку зрения. Сложные вопросы целого ряда областей жизни (экономической, бюджетной, финансовой, сферы безопасности и пр.) требуют экспертной оценки, поскольку большинство современных государственных политик (в области климата, общественного здравоохранения, энергетики и перехода к цифровым технологиям) сосредоточены на выборе, который можно разумно сделать только на основе высокотехнического понимания компонентов любого альтернативного варианта [Rizzoni, 2023, p. 131]. Тем самым создаются предпосылки для формирования так называемой *экспертотократии* – системы, основанной на власти знаний экспертов.

В-третьих, новой функцией парламента стало собственное производство и распространение знаний. Первыми структурами, призванными удовлетворять информационные потребности законодательных собраний, были парламентские библиотеки. Однако возросший спрос на информацию привел во многих странах к созданию информационных и исследовательских служб, отличных от парламентских библиотек. Эти события были связаны с изменениями, которые произошли в то время с парламентариями: тип политика-любителя XIX века, который обычно сохранял свою основную профессию, был заменен профессиональным политиком, который имел узкую специализацию законотворческой деятельности, выразившейся в работе в комитетах парламента.

Во второй половине XX века были созданы свои собственные единицы – *парламентские исследовательские службы* (*Parliamentary Research Services*) в структуре некоторых парламентов – бундестаге Германии (в 1964 г.) и Палате депутатов Италии (в 1976 г.). Затем этот опыт стал распространяться по Европе и миру. Среди недавно появившихся исследовательских служб следует упомянуть *Европейскую парламентскую исследовательскую службу* (*the European Parliamentary Research Service*), созданную в 2013 г. Европейским парламентом. Размер ее штата – около 300 человек, из которых около половины являются политическими аналитиками, что делает ее более ориентированной на американскую Исследовательскую службу Конгресса (*Congressional Research Service*), в которой в настоящее время работают около 400 специалистов [Rizzoni, 2023, p. 125]. В одних парламентах эта служба состоит всего из нескольких сотрудников, в то время как в других (таких как бундестаг, палата депутатов Италии или Польский сейм) – штат сотрудников колеблется от 50 до 100 человек [Rizzoni, 2023, p. 125].

Основная функция исследовательских служб парламента – не столько предоставление научной экспертизы, сколько посредничество в формировании политических решений: с этой точки зрения эти службы выполняют связующую функцию, стремясь сократить разрыв между миром специализированных академических исследований и миром политики; это явление определяется как *онаучивание* политики (*the scientification of politics*) [Rizzoni, 2023, p. 132–133].

В-четвертых, в последние годы резко возросли контакты и обмен опытом между исследовательскими подразделениями парламентов разных стран мира, что способствовало появлению международных сетей, таких как Европейский центр парламентских исследований и документации (*the European Centre for Parliamentary Research and Documentation*), созданный в 1977 г. Как указано в статье 1 его Устава, Центр призван содействовать обмену информацией, идеями, опытом и передовыми практиками между аппаратами парламентов в Европе по вопросам, представляющим всеобщий интерес, укреплять тесное сотрудничество между парламентскими службами, собирать, обменивать и публиковать результаты иссле-

дований, подготовленных парламентскими службами, а также способствовать, где это возможно, использованию и развитию ИКТ¹.

Другие международные парламентские сети существуют в Латинской Америке, странах Северной Европы, Африки, Азии, Азиатско-Тихоокеанском регионе и арабских странах. Сотрудничество между исследовательскими службами парламентов поддерживается на глобальном уровне благодаря работе Межпарламентского союза (*the Inter-Parliamentary Union*) и Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений (*the International Federation of Library Associations and Institutions*). В 2015 г. эти организации опубликовали «Руководство для парламентских исследовательских служб»², представляющее собой обзор передового мирового опыта.

Профессионализация парламентской деятельности создает риски. Во-первых, как известно, короля играет свита. Поэтому закономерно возникает вопрос: кто принимает политические решения в парламенте – депутаты или аппарат парламента, эксперты, исследовательские службы и парламентские сети? Дело в том, что на рассмотрение депутатов передается, как правило, единственный проект решения, который обоснован научно, профессионально и является лучшим из альтернатив, о которых в большинстве случаев просто умалчивается. Конечно, формально голосуют сами депутаты, но часто за их голосованием стоят «серые кардиналы» аппарата и экспертного сообщества.

Во-вторых, наблюдается политизация управленческих структур парламента, что справедливо было замечено в научной литературе: так, например, у Совета Государственной думы РФ – внутриинституциональной структуры, которая по идее должна отвечать только за организационную работу нижней палаты парламента, появляются политические функции [Помигуев, 2016]. Конечно, между управлением и политикой существует тонкая грань: это становится особенно очевидно, когда к аппарату парламента

¹ Statutes of the European Centre for Parliamentary Research and Documentation – 2019. – Mode of access: <https://ecprd.secure.europarl.europa.eu/ecprd/public/page/about> (accessed: 18.02.2024).

² Guidelines for Parliamentary Research Services. Inter-Parliamentary Union (IPU) and the International Federation of Library Associations and Institutions (IFLA). – 2015. – Mode of access: <https://www.ipu.org/resources/publications/reference/2016-07/guidelines-parliamentary-research-services> (accessed: 18.02.2024).

обращаются за советом, чтобы помочь легислатуре принять решение по политически значимому вопросу [Caboor, Popelier, 2023, p. 157]. Вместе с тем политизация организационно-управленческой деятельности создает риск подмены авторства принимаемых решений: политическая воля исходит не от депутатов (депутатских органов и объединений), а от аппарата парламента или отдельных его структур.

В-третьих, другой риск связан с формированием канала лоббирования интересов групп, корпораций и других заинтересованных акторов, что чревато тем, что парламент может превратиться в институт легитимации этих интересов, утрачивая свое главное качество общего национального представительства [Медушевский, 2020, с. 15]. Таким образом, сегодня возрастает опасность подмены депутатского мнения или решения экспертным мнением или мнением заинтересованных сторон, ссылающихся на экспертное мнение.

Модернизация парламентав и модификация классической модели парламентаризма

Сегодня многие парламента мира предпринимают масштабные усилия по модернизации, чтобы соответствовать стандартам XXI века. Во-первых, они оперативно реагируют на изменение ситуации, как это было, например, в условиях пандемии COVID-19, когда потребовалось обеспечить безопасность депутатов и сотрудников, быстро перевести их на удаленный режим работы, внедрить новые цифровые инструменты работы. Во-вторых, законодательные собрания разрабатывают долгосрочные программы открытости, цифровизации и профессионализации парламента. Например, цифровая трансформация парламента Ирландии рассчитана на 11 лет и включает в себя 7 программ с более чем 100 проектами до 2027 г. [English, Murphy, 2023, p. 303].

Для решения тактических и стратегических задач парламента меняют прежде всего свою организационную структуру, в частности, внутри аппарата создаются новые подразделения, отвечающие за открытость, цифровизацию, техническое и научное сопровождение. Законодательные ассамблеи переопределяют внутренние процедуры и реструктурируют управленческие под-

разделения, чтобы облегчить внедрение новых инструментов и услуг – этот процесс известен как *реинжиниринг бизнес-процессов* (*business process re-engineering*) [McAdam, Donaghy, 1999].

Как справедливо отмечают авторы недавно вышедшей монографии, цифровизация – это процесс, имеющий важные последствия и для политической роли парламента [Christiansen et al., 2023, p. 11]. Меняются формы и содержание традиционных функций парламента. Представительная функция парламента в силу распространения форм электронной демократии модифицируется: парламента вынужден сегодня прислушиваться к мнению народа, которое все чаще и чаще выражается с помощью виртуальных средств. Законодательная функция также претерпевает существенные изменения: сегодня на предварительном этапе проводятся научные исследования, сбор данных, экспертные оценки и прогнозирование результатов принятия актов; подготовка текстов законопроектов и общение между депутатами по вопросам законотворческой деятельности становятся высокотехнологичными; обратная связь с избирателями и инициаторами законопроектов реализуется через цифровые платформы. Их внедрение привело к небывалому ускорению законодательного процесса. Контрольно-надзорная функция парламента также получила свое развитие благодаря новым информационным технологиям, позволяющим обрабатывать огромные объемы информации, касающиеся работы исполнительной власти. Роль парламента в общении с гражданами значительно изменилась благодаря цифровым технологиям, которые позволяют парламентам быстро информировать о своей деятельности и вести диалог с гражданами через веб-платформы и социальные сети. Что касается кадровой функции парламента, то сегодня депутатам легче собирать информацию о кандидатах на административно-управленческие должности [Fitsilis, Costa, 2023, p. 107].

Под воздействием вызовов XXI века модифицируется классическая модель парламентаризма. Это проявляется в следующем.

Во-первых, *ставится под вопрос верховенство парламента* в системе государственной власти. Напомним, что традиционный принцип верховенства парламента как компонент классической модели парламентаризма предполагает ситуацию, при которой парламента принимает решения по вопросам политической повестки дня. В связи с некоторой распространенностью новых форм

электронного участия и проведения виртуальных референдумов оказывается, что в ряде случаев граждане имеют первенство перед парламентом. Даже донесение воли граждан до своих представителей вынуждает парламент так или иначе считаться с этой волей и ставит под сомнение идею верховенства парламента.

Во-вторых, классическая модель парламентаризма предполагает представительную демократию. Появление и распространение прямых форм электронного участия граждан (электронные петиции, участие в обсуждении законопроектов, виртуальные референдумы, прямые обращения к депутатам посредством электронных средств коммуникации и др.) можно расценить как вызов представительной модели демократии. *Традиционный механизм представительности*, где избиратели представлены отдельными депутатами, партиями и группами, говорящими от имени народа, *постепенно ослабляется* за счет распространения виртуальных референдумов в сети Интернет, использования таких форм прямой демократии как электронные петиции, коллективные законодательные инициативы, обсуждение законодательных инициатив на сайте парламента, комментарии граждан по законодательным вопросам на сайте и др.

В-третьих, парламент – публичная трибуна для политической дискуссии, основная арена политической борьбы между правительством и оппозицией, где ставятся, обсуждаются и принимаются основные политические решения. В связи с открытостью и цифровизацией легислатуры сегодня происходит некоторое *уменьшение роли парламента как публичной трибуны для политической дискуссии* в силу появления новых гражданских форм участия. Во-первых, снижается значимость дебатов в парламенте как способа определения общественных настроений, поскольку сегодня есть *альтернативные парламенту* источники формирования повестки дня (социальные сети, Интернет и ТВ). Во-вторых, появляются новые формы донесения воли избирателей до депутатов (электронные петиции, законодательные предложения граждан на сайте парламента, процедура общественных консультаций по законопроектам, социальные сети, виртуальные приемные и др.) и новые формы влияния избирателей на процесс принятия решений парламентом (внесение законопроекта в легислатуру некоторым числом избирателей, обращения с петициями в парламент и дальнейшее приглашение подписанта на слушания по теме петиции и др.). Эти формы формиру-

ют новые трибуны для общественных обсуждений и дискуссии, конкурирующие с традиционными формами работы парламента (пленарное заседание, «час вопросов» правительству, парламентские слушания и расследования и др.)

В-четвертых, *снижается роль оппозиции в парламенте* как контролирующего института: теперь граждане в сетях, блогах и при подаче петиций могут критиковать и контролировать правительство и депутатов от правящей партии (правящей коалиции), реализуя функции оппозиции. Монопольное право оппозиции быть критиком власти постепенно растворяется. Граждане через открытый парламент и открытое правительство могут контролировать власть.

В-пятых, *меняется характер связи депутатов со своими избирателями*: такие формы как работа депутата в округе, встречи депутата с избирателями, наказания, отчеты перед избирателями дополняются и порой подменяются каналами прямой связи депутатов с избирателями, например, через цифровые платформы. Для избирателя парламент оказывается «на кончиках пальцев», нажимающих на экран гаджета. Каждый депутат выступает неким виртуальным воплощением, открытым и доступным для избирателя.

Заключение

Новейшие вызовы XXI века – требование транспарентности парламента, цифровизация и профессионализация – заставляют парламенты реагировать на новые тренды общественного развития. Как образно выразились бельгийские юристы, необходимо превратить парламент «из старой величественной дамы в модную даму, держащую руку на пульсе общества» [Caboog, Popelier, 2023, p. 160]. В последние годы парламенты оперативно реагируют на вызовы времени, например, в период пандемии COVID-19 они пытались интенсивно внедрить удаленные цифровые формы работы. Принимая долгосрочные программы, направленные на открытость, цифровизацию и профессионализацию, законодательные собрания стремятся избежать рисков и угроз, повысить эффективность и работоспособность парламента.

Как тактические, так и стратегические действия парламентов в виде реакции на современные вызовы имеют управленческие и

политические последствия. Управленческие последствия ответов парламентов на новейшие вызовы заключаются в модернизации организационной структуры парламентов, а именно в создании новых подразделений, задачи которых состоят в обеспечении большей открытости, дальнейшей цифровизации, техническом и научном сопровождении, а также безопасности легислатуры.

Что касается политических последствий реакции парламентов на новейшие вызовы XXI века, то происходит ослабление традиционных компонентов классической модели парламентаризма (верховенство парламента; народное представительство; парламент как публичная трибуна для политической дискуссии; подконтрольность исполнительной власти парламенту). Конечно, пока преждевременно говорить о трансформации этой модели, но признаки изменений налицо.

Распространенность электронных форм участия граждан в деятельности легислатуры ставит под сомнение принцип верховенства парламента: высшей волей в ряде случаев является решение избирателей, а не парламента, поскольку граждане могут принять решение за парламент.

Появление и активное использование прямых форм электронной демократии в парламенте постепенно ослабляет традиционный механизм представительности, базирующийся на связях депутатов со своими избирателями в формах, предполагающих дистанцию между депутатом и избирателями, а также готовность говорить от имени народа.

Открытость и цифровизация ведут к снижению роли парламента как публичной трибуны для политической дискуссии: Интернет и социальные сети становятся альтернативными источниками формирования повестки дня; возникают новые электронные формы донесения воли избирателей до депутатов и новые электронные формы влияния избирателей на законодательный процесс.

Роль оппозиции в парламенте несколько ослабляется, поскольку ее функции критики и контроля над правительством осуществляются гражданами, проявляющими свою активность в социальных сетях и при реализации разных форм электронного участия. Наконец, характер связи депутатов с избирателями также претерпевает изменения, связанные с появлением новых форм электронного взаимодействия через цифровые платформы.

Сделанные нами выводы носят предварительный характер и не претендуют на универсальность, а фиксируют лишь новейшие тенденции в изменении модели парламентаризма в современном мире.

Всем хорошо известна высокая башня Европарламента в Страсбурге: ее особенность заключается в том, что она умышленно имеет незавершенный вид, что символизирует непрерывное строительство Европейского союза. Используя образное сравнение со зданием, можно сказать, что сегодня парламентаризм в мире находится в процессе «ремонта». Будучи одними из самых консервативных государственных институтов, парламент вынужден «до-страивать» и «перестраивать» свое «здание». Сегодня «здание» парламентаризма прозрачно для публики и оцифровано, и его «ремонтом» занимаются высокие профессионалы. Трудно сказать, будет ли этот «ремонт» косметическим или затронет «несущие конструкции» парламентаризма. В любом случае мы увидим обновленное «здание», которое, по замыслу институциональных «архитекторов» и «строителей», должно противостоять «сейсмическим толчкам» глобальных вызовов. Так ли это будет на самом деле – покажет время.

O.I. Zaznaev*

**Modification of the classical model of parliamentarism
in the context of the newest challenges of the 21st century**

Abstract. The classic model of parliamentarism, the main components of which are the supremacy of parliament, popular representation, the role of parliament as a public platform for political discussion and the control of the executive branch by parliament, is undergoing changes in the context of the newest challenges of the 21 st century. The author lists such challenges as the requirement for greater transparency of parliament, digitalization and professionalization of parliamentary activities. The article analyzes in detail these challenges and the responses of parliaments to them. The author concludes that today the world's parliaments are modernizing their structure, activities and functions. The classic model of parliamentarism is being modified, its traditional components are being weakened. Firstly, the prevalence of electronic forms of citizen participation in the activities of the legislature calls into question the principle of the supremacy of parliament. Secondly, the mechanism of representativeness, based on the

* **Zaznaev Oleg**, Kazan federal university (Kazan, Russia), e-mail: Oleg.Zaznaev@kpfu.ru

connections of deputies with their voters in traditional forms, is gradually weakening, since direct forms of electronic democracy are actively used. Thirdly, the role of parliament as a public platform for political discussion is being eroded due to the development of the Internet and social networks, as well as new electronic forms of conveying the will of voters to deputies. Fourthly, the role of the opposition in parliament is somewhat reduced since its functions of criticism and control over the government are “intercepted” by citizens on social networks and in the implementation of various forms of electronic participation. Finally, the nature of communication between deputies and voters is changing, as interaction through digital platforms is being introduced. The conclusions the author has drawn are preliminary in nature and have no claim to universality but record only the latest trends in changing the model of parliamentarism in the contemporary world.

Keywords: parliamentarism; parliamentary system; contemporary global challenges; openness of parliament; digitalization of parliament; professionalization of parliament, e-democracy.

For citation: Zaznaev O.I. Modification of the classical model of parliamentarism in the context of the newest challenges of the 21st century. *Political science (RU)*. 2024, N 3, P. 18–42. DOI: <https://www.doi.org/10.31249/poln/2024.03.01>

References

- Anghelescu H.G. Historical overview: the parliamentary library from past to present. *Library trends*. 2010, Vol. 58, N 4, P. 418–433. DOI: <https://doi.org/10.1353/lib.2010.0002>
- Bar-Siman-Tov I., Rozenberg O., Benoît C., Waismel-Manor I., Levanon A. Measuring legislative activity during the COVID-19 Pandemic: introducing the ParlAct and ParlTech Indexes. *International journal of parliamentary studies*. 2021, Vol. 1, N 1, P. 109–126. DOI: <https://doi.org/10.1163/26668912-bja10006>
- Caboor P.D.G., Popelier P. Belgium’s parliamentary administration. In: Christiansen T., Griglio E., Lupo N. (eds). *The Routledge handbook of parliamentary administrations*. London, NY: Routledge, 2023, P. 152–163. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003181521-13>
- Christiansen T., Griglio E., Lupo N. (eds). *The Routledge handbook of parliamentary administrations*. London, NY: Routledge, 2023, 800 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003181521>
- Bulakov O.N. (ed). *Contemporary parliament: theory, world experience, Russian practice*. Moscow: Eksmo publishing house, 2005, 320 p. (In Russ.)
- English M., Murphy T. Ireland’s parliamentary administration. In: Christiansen T., Griglio E., Lupo N. (eds). *The Routledge handbook of parliamentary administrations*. London, NY: Routledge, 2023, P. 291–305. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003181521-25>
- Fitsilis F., Costa O. Parliamentary administration facing the digital challenge. In: Christiansen T., Griglio E., Lupo N. (eds). *The Routledge Handbook of Parliamentary Administrations*. London, NY: Routledge, 2023, P. 105–120. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003181521-8>

- Floridi, L. *The fourth revolution: how the infosphere is reshaping human reality*. Oxford, Oxford university press, 2014, 272 p.
- Koryzis D., Dalas A., Spiliotopoulos D., Fitsilis F. ParlTech: transformation framework for the digital parliament. *Big data and cognitive computing*. 2021, Vol. 5, N 1, P. 15–31. DOI: <https://doi.org/10.3390/bdcc5010015>
- Lazinina E.V. *Communication processes in the virtual reality of digital society*: monograph. Stavropol: SEQUOIA, 2023, 171 p. (In Russ.)
- Lupo N., Fasone C. Transparency vs. informality in legislative committees. Comparing the US House of Representatives, the Italian Chamber of Deputies and the European Parliament. *The journal of legislative studies*. 2015, Vol. 21, N 3, P. 342–359. DOI: <https://doi.org/10.1080/13572334.2014.999533>
- McAdam R., Donaghy J. Business process re-engineering in the public sector: a study of staff perceptions and critical success factors. *Business process management journal*. 1999, Vol. 5, N 1, P. 33–52. DOI: <https://doi.org/10.1108/14637159910249135>
- Medushevsky A.N. Parliamentarism in the context of globalization: will the classic model remain viable? In: Nikolaev A.B. (ed.). *Tavrida Readings 2019. Current Problems of Parliamentarism: History and Modernity*. Collection of articles of Int. scientific conference. In 2 parts. Part 2. St. Petersburg: «Asterion», 2020, P. 7–20. (In Russ.)
- Mill J. St. *Considerations on representative government*. Chelyabinsk: Sotsium, 2006, 384 p. (In Russ.)
- Otjes S. What explains the size of parliamentary staff? *West European Politics*. 2023, Vol. 46, N 2, P. 374–400. DOI: <https://doi.org/10.1080/01402382.2022.2049068>
- Pomigüev I.A. The Council of the state дума: real veto player or a technical executive? *Polis. Political studies*. 2016, N 2, P. 171–183. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.02.12> (In Russ.)
- Rizzoni G. Parliamentary Administrations and the provision of scientific expertise. In: Christiansen T., Griglio E., Lupo N. (eds). *The Routledge handbook of parliamentary administrations*. London, NY: Routledge, 2023, P. 121–134. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003181521-9>
- Selinger W. *Parliamentarism. From Burke to Weber*. Cambridge: Cambridge university press, 2019, 246 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108585330>
- Strøm K., Müller W.C., Bergman T. (eds). *Delegation and accountability in parliamentary democracies*. Oxford, N.Y.: Oxford university press, 2003, 784 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/019829784x.001.0001>
- Tacea A. France's Parliamentary Administration. In: Christiansen T., Griglio E., Lupo N. (eds). *The Routledge handbook of parliamentary administrations*. London, NY: Routledge, 2023, P. 243–254. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003181521-21>
- Toynbee A.J. *A study of history*. Moscow: Airis-Press, 2010, 640 p. (In Russ.)
- Vasilieva T. Implementation of information technology in parliamentary activities. *Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSAL)*, 2022, N 9 (97), P. 93–101. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.97.9.093-101> (In Russ.)
- Verney D.V. *The analysis of political systems*. London: Routledge & Kegan Paul, 1959, 239 p.

- Voermans W., ten Napel H.-M., Passchier R. Combining efficiency and transparency in legislative processes. *The theory and practice of legislation*. 2015, Vol. 3, N 3, P. 279–294.
- Zaznaev O.I., Garipov R.F. Constitutional problems of identification of authorities and officials with government departments of the Republic of Tatarstan. *The Review of economy, the law and sociology*. 2012, N 4, P. 156–159. (In Russ.)
- Zaznaev O.I., Sidorov V.V. *Forms of government and ethnic conflicts*: monograph. Kazan: Logos-Press, 2022, 232 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Васильева Т.А. Внедрение информационных технологий в парламентскую деятельность // Вестник Университета имени О. Е Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 9 (97). – С. 93–101. – DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.97.9.093-101>
- Зазнаев О.И., Гарипов Р.Ф. Конституционно-правовые проблемы идентификации отдельных органов и должностных лиц с ветвями государственной власти Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. – 2012. – № 4. – С. 156–159.
- Зазнаев О.И., Сидоров В.В. *Формы правления и этнические конфликты: монография*. – Казань: Логос-Пресс, 2022. – 232 с.
- Лазина Е.В. *Коммуникативные процессы в виртуальной реальности цифрового общества: монография*. – Ставрополь: СЕКВОЙЯ, 2023. – 171 с.
- Медушевский А.Н. Парламентаризм в условиях глобализации: сохранит ли жизнеспособность классическая модель? // Таврические чтения – 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сборник статей Межд. научной конференции. В 2 частях. – Часть 2 / под ред. А.Б. Николаева. – Санкт-Петербург: Астерион, 2020. – С. 7–20.
- Милль Дж. С. *Рассуждения о представительном правлении*: пер. с англ. – Челябинск: Социум, 2006. – 384 с.
- Помигуев И.А. Совет Государственной думы: реальный вето-игрок или технический исполнитель? // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 2. – С. 171–183. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.02.12>
- Современный парламент: теория, мировой опыт, российская практика / под общ. ред. д. ю.н. О.Н. Булакова. – М.: Эксмо, 2005. – 320 с.
- Тойнби А. Дж. *Постижение истории* / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. – М.: Айрис-пресс, 2010. – 640 с.